

Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ

Доцент, Школа философии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); заведующий, сектор социальной философии, Институт философии РАН. Адрес: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4. E-mail: apavlov@hse.ru.

Ключевые слова: политическая теория; социальная философия; республиканизм; интеллектуальная история; Кембриджская школа; контекстуализм; Квентин Скиннер; Джон Покок; Джон Данн.

Кембриджская школа политической мысли объединяет нескольких историков (Джон Покок, Квентин Скиннер, Джон Данн), начавших работать в 1960-е годы в Кембридже и предложивших уникальный подход к исследованию социально-политических идей. Авторы настаивали, что политическое мышление по своей природе исторично и потому его необходимо изучать в историческом и идеологическом контекстах, а также что политические идеи не следует понимать как оторванные от жизни понятия или как «традицию», ведущую от Платона до наших дней.

В последнее время в России ученые предпринимают попытки «адаптировать метод» Кембриджской школы. Однако автор статьи считает, что по определенным причинам это практически невозможно сделать. Особо очевидным это становится,

когда деятельность Кембриджской школы помещается в разные контексты: социогуманитарного и философского знания в Британии 1960-х годов, американской политической теории последней четверти XX века и республиканской социальной философии начала XX века. Во-первых, методология кембриджцев претерпела существенные изменения уже в середине 1970-х годов, и, во-вторых, интересы ученых сместились в сферу политической теории либо же в ту область истории, в которой их установки по конкретным причинам неприменимы. Таким образом, продолжение их проекта, как это показано в статье, возможно скорее и в лучшем случае в области современной социальной и политической философии, нежели в европейской политической мысли XV–XVII веков или американской политической мысли XVIII века.

Введение

БЕЗ ВСЯКОГО преувеличения, издание русского перевода двух томов фундаментального исследования Квентина Скиннера «Истоки современной политической мысли»¹ можно назвать маленьким шагом для издательства и большим — для отечественной гуманитарной науки и даже шире — для российского интеллектуального климата как такового. Именно с выходом этой книги дискуссия о том, что получило известность как Кембриджская школа истории политической мысли², приобретает не только узкий академический, но и широкий публичный характер. До сих пор внимание к этому феномену было уделом ученых, а также ресурса *Gefter.ru* (если бы охват аудитории этого сайта был широк, можно было бы вести речь о том, что Кембриджская школа уже какое-то время пользуется спросом большого круга читателей). На одном из более популярных сайтов появилась статья «Квентин Скиннер и основания „кабинетной идеологии“» двух стажеров центра *Res Publica* Европейского университета в Санкт-Петербурге, Марии Пономаревой и Никиты Туманова, приуроченная к публикации двухтомника Скиннера. Авторы вводят читателя в курс дела, репрезентируя Скиннера для неспециалистов, и несколько высокопарно заявляют в финале:

В рамках скиннеровского подхода получается, что история — это, в первую очередь, нарратив, рассказанная история

1. См.: Скиннер К. Истоки современной политической мысли: В 2 т. М.: Дело, 2018.
2. Самым точным обозначением этой школы было бы просто «Кембриджская школа». В целом же можно считать, что «Кембриджская школа истории политической мысли» — наиболее точное из используемых названий по причинам, которые будут изложены ниже. Другие варианты названия — «Кембриджская школа интеллектуальной истории», «Кембриджская школа истории идей» и даже «Кембриджская школа истории политической философии». Так школу называет Николай Поселягин (*Поселягин Н.* От редактора // Новое литературное обозрение. 2015. № 134. С. 19).

и такое высказывание, которое разрывает старые контексты и сложившиеся предрассудки. Принципы построения такого высказывания сами по себе глубоко политичны. Они демонстрируют, они воспитывают, они вызывают к историческому мышлению как свойственному политическому субъекту европейского типа — гражданину. В нашем случае такое мышление воспитывается Кембриджской школой интеллектуальной истории. Именно поэтому для русского читателя так важен и нужен русский перевод «Истоков современной политической мысли» Квентина Скиннера³.

Авторы приписывают научному тексту серьезные политические импликации: ознакомившись с двумя томами, посвященными ранневременной истории социально-философской и политической мысли, российский читатель должен стать ни много ни мало «гражданином» (или может приблизиться к этому). В более ранней и, что немаловажно, академической публикации другие авторы приходят фактически к тому же выводу: «...кембриджская методология не только имеет значение в контексте современных исторических и культурологических исследований, но и, шире, способна сформировать рефлексивную политическую культуру в России»⁴. Тем самым мы сталкиваемся с первой, хотя и не главной, проблемой репрезентации Кембриджской школы в нашей академической и общественной жизни — ее политическим потенциалом, который, впрочем, отечественные авторы скорее подразумевают, чем обнаруживают в действительности. Однако политический потенциал рецепции Кембриджской школы в России становится предметом другой, более широкой проблемы — того, что можно было бы назвать запросом на «интеллектуальные франшизы».

К этой теме мы вернемся в последнем разделе, а пока ответим на вопрос, что такое Кембриджская школа. О ней и ее подходе можно прочитать в вышеупомянутой статье Михаила Велижева и Тимура Атнашева, а также в последующих публикациях рубрики, составителями которой они стали. Главное, что скрупулезно описывают Велижев и Атнашев, — это методология школы. Если же попытаться кратко сформулировать, что представляет собой

3. Пономарева М., Туманов Н. Квентин Скиннер и основания «кабинетной идеологии»: к выходу русского перевода «Истоков современной политической мысли» // Colta.ru. 15.01.2018. URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/17045>.

4. Атнашев Т., Велижев М. “Context is king”: Джон Покок — историк политических языков // Новое литературное обозрение. 2015. № 134. С. 39.

Кембриджская школа, то можно обратиться к одному из ее представителей — Джону Данну. В 2009 году я и мой коллега Дмитрий Узланер взяли интервью у Данна, и первый вопрос, разумеется, касался именно этой темы. Тогда Данн ответил так:

Едва ли мы можем говорить о существовании Кембриджской школы политических исследований как о едином организме. Но когда о ней упоминают, то обычно связывают с ней три имени. Во-первых, это я. Во-вторых, Квентин Скиннер, мой хороший друг. Кстати, в течение долгого времени мы были с ним очень близки интеллектуально, а по ряду вопросов были абсолютными единомышленниками. Наконец, третий ученый — это Джон Покок. Он старше нас. Кроме того, Покок не является урожденным британцем, по происхождению он новозеландец⁵. Всех нас всегда интересовали разные вопросы, но объединяло одно убеждение: политическое мышление по своей природе исторично, оно возникло в определенном времени и пространстве, и его нельзя понять, если не учитывать обстоятельства того, как оно возникло и развивалось. Размышлять о нем как об абстрактном процессе, как о манипулировании набором понятий — значит не понимать того, что представляет собой политическое мышление. Кроме того, существует ряд общих для нас троих выводов, вытекающих из этого убеждения. Этих выводов мы стараемся строго придерживаться⁶.

Данн стоял у истоков формирования школы, однако впоследствии он, как выразился Покок, проследовал «по своей собственной траектории»⁷. Хотя и Покок, и (чаще) Скиннер постоянно упоминают о вкладе Данна в формирование Кембриджской школы, отечественные авторы в лучшем случае отделяются проходным упоминанием и одной-двумя ссылками на его ранние тексты. Как мы убедимся позднее, если не учитывать участие Джона Данна в деятельности группы в принципе, то можно прийти к не совсем правильному пониманию вклада Кембриджской школы в актуальную политическую философию.

5. На самом деле Покок родился в Лондоне, однако три года спустя переехал в Новую Зеландию, так что называть его новозеландцем не такая уж большая ошибка.

6. Данн Д. Политическая философия — будущее человечества // Русский журнал. 17.05.2009. URL: <http://www.russ.ru/pole/Politicheskaya-filosofiya-buduschee-chelovechestva>.

7. Покок Д. Г. А. Квентин Скиннер: история политики и политика истории // Новое литературное обозрение. 2015. № 134. С. 81.

В контексте истории идей

Когда исследователи высказывают мнения о Кембриджской школе, то, как правило, не делают того, что сами ее представители считали главной установкой своих штудий, — не обращают внимания на контекст возникновения группы и, главное, на то, что их взгляды претерпевали значительные изменения. Поэтому неизбежен вопрос, почему появились разговоры о специфическом методе. Получив ответ, мы сможем понять «революционный потенциал» деятельности Скиннера, Покока и Данна. Дело в том, что в Англии в середине XX века уже сложился конкретный способ политического теоретизирования и определенный подход к изучению истории политической мысли. Лучше всего его иллюстрируют работы Майкла Оукшота и Исайи Берлина. Несмотря на то что оба автора принадлежали к разным идеологическим направлениям политической мысли (либерализм в случае Берлина и консерватизм в случае Оукшота), сам стиль их мышления оставался одинаков в главном. Это были относительно вольные рассуждения на избранную тему, как правило, в жанре эссеистики. Например, чтобы увидеть главную опасность современной эпохи, охарактеризованную им как «рационализм в политике», Оукшот обращался к ранней нововременной философии и прослеживал ее влияние на политический процесс в Англии. Исайе Берлину принадлежат аналогичные экзерсисы в области истории идей: например, он искал истоки фашизма в политической мысли французского традиционалиста Жозефа де Местра⁸. Такой вид философствования напрямую противоречил популярной на тот момент в Великобритании лингвистической философии, а также исторической науке, стремящейся соблюдать высокие научные стандарты. Вместе с тем, если допустить некоторые грубые обобщения, то политические теоретики типа Оукшота и Берлина если не монополизировали «историю идей», то занимали на «рынке» этой области знания доминирующее положение. Причем крайне важно, что речь шла именно о политических теоретиках, а не о таких философах, как Бертран Рассел или Карл Поппер, которые, работав философский авторитет, обращались к политической философии лишь по случаю и рассуждали о ней еще более вольно, нежели Оукшот или Берлин.

8. Оукшот М. Рационализм в политике // Он же. Рационализм в политике и другие статьи. М.: Идея-пресс, 2002; Берлин И. Жозеф де Местр и истоки фашизма // Он же. Философия свободы. Европа. М.: НЛО, 2002.

Когда Данн, Скиннер и Покок заговорили о методологии изучения истории мысли, тем самым они попадали сразу в два интеллектуальных контекста. Первый — английский национальный контекст (о втором речь пойдет в следующем разделе). В Англии они не просто вторгались на чужую интеллектуальную территорию, но выступали против сложившегося и влиятельного подхода к истории идей. Вольному изложению мысли, упражнениям в риторике и некорректным обобщениям они противопоставили научную строгость, последовательность аргументации и стандартные для историков требования изучать контекст возникновения мысли и ее развитие. Иными словами, они утверждали, что одни и те же известные понятия политической философии, употребляемые в разных исторических ситуациях, имели совершенно разное значение; таким образом, они выступали против устоявшегося представления о сложившейся традиции политической философии. Собственно, первое методологическое эссе Джона Покока, написанное еще в 1962 году, было направлено против установок Майкла Оукшота. Правда, необходимо упомянуть, что и сам Оукшот пытался экспериментировать с «методологией», однако его усилия объяснить политическую теорию за счет анализа понятий и спекуляций с древнегреческим языком нельзя назвать убедительными. В лучшем случае это интеллектуальное упражнение, но достичь понимания предмета философские рассуждения Оукшота явно не позволяют⁹.

Уже в самом названии статьи Покока содержалось то, что прежде было практически невозможно встретить в текстах, посвященных интеллектуальной истории: «История политической мысли: методологическое исследование». Через нагромождение синтаксических конструкций и повторение одной и той же идеи на разный манер Покок пытался показать, какие преимущества историк политической мысли имеет перед «философами» и почему именно подход историка будет настоящим философским исследованием:

Следовательно, историк политической мысли вовлечен как в процесс исторической реконструкции, так и отчасти в процесс философской реконструкции — он пытается понять политическую мысль прошлого, поднимая ее на более высокий уро-

9. См.: Оукшот М. Что такое политическая теория? // Политическая теория в XX веке / Под ред. А. Павлова. М.: Территория будущего, 2008.

вень обобщения и абстракции. В результате история политической мысли часто переходит в философию¹⁰.

Спустя несколько десятилетий, когда Покок станет признанной величиной в гуманитарной науке, он скромно отметит: «...я не претендовал на связь с философией (если только Сократ позволит мне избежать оной) и лишь стремился найти лингвистические средства, позволяющие представить акт политического теоретизирования как акт, совершаемый в истории»¹¹. Однако в статье «История политической мысли: методологическое исследование» Покок еще не обнаружил этих лингвистических средств и полагал, что берковско-оукшотовское описание процесса построения теорий в политике характеризуется «отходом от традиции или ее ограничением». И так как Покок еще не открыл для себя «теорию речевых актов», его статья даже сегодня кажется более концептуально эвристичной, то есть применимой на практике, нежели его последующие тексты, посвященные методу: по крайней мере понятно, с кем он спорил и чего добивался.

Вместе с тем, чтобы бросить вызов «традиции», нужно было противопоставить ей что-то пусть не такое же мощное, но довольно солидное, то есть строго научное. Кембриджские историки обратились за помощью к лингвистической философии, прежде всего к идеям Джона Остина, которые могли бы помочь понять «чужие сознания» политических мыслителей. Можно быть уверенным, что обращение к Остину было не случайным. Дело в том, что когда мы употребляем словосочетание «Кембриджская школа», то не очень хорошо представляем себе все последствия этого словоупотребления. «Кембриджцев» объединяло отнюдь не только то, что они буквально работали в Кембридже, но то, что они работали *в Кембридже в определенное время*. В середине XX века Кембридж оставался наиболее влиятельным центром лингвистической философии прежде всего благодаря деятельности Людвига Витгенштейна, хотя и не только ей. Остин работал там же и точно так же занимался проблемами обыденного языка. То есть лингвистическая философия уже стала очень влиятельной интеллектуальной традицией, к которой хотели прибегнуть многие авторитетные мыслители, состоявшие в других сферах.

10. Pocock J. G. A. Political Thought and History. Essays on Theory and Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 6.

11. Покок Д. Г. А. Квентин Скиннер: история политики и политика истории. С. 81.

В частности, тот же Исайя Берлин, прославившийся в итоге как политический теоретик, однажды приехал в Кембридж, чтобы сделать доклад о способах познания психического состояния другого человека в Клубе моральных наук — еженедельном семинаре студентов и преподавателей философии, частым гостем которого был Витгенштейн. Последний задал выступающему несколько вопросов, произнес колкость («...так об этом не говорят. Позвольте-ка мне. Хватит философии. Дело нужно говорить. Просто дело»), а через час встал, пожал докладчику руку и вышел из аудитории. «Эта встреча ознаменовала символический, если не реальный, закат философской деятельности Берлина»¹². После этого эпизода Берлин уже не обращался к философии языка и стал исключительно политическим теоретиком¹³. Таким образом, сам интеллектуальный климат во многом требовал от исследователей-гуманитариев следовать определенной моде. И то, что к философии языка вновь обратится кто-то другой, было лишь вопросом времени. У Берлина это не получилось, попытки Оукшота работать со словами сложно назвать достаточно успешными, а Рассел и Поппер даже не думали применять к политической теории философские методы. Настал черед историков мысли.

Вклад Джона Данна в становление Кембриджской школы заключался в том, что он первым придумал использовать методы Остина для изучения истории идей. Что характерно, его статья «Особенность истории идей» была опубликована в философском журнале, и в ней он активно ссыался на Джона Остина, Арту-

12. Эдмондс Д., Айдиноу Д. Кочерга Витгенштейна. История десятиминутного спора между двумя великими философами. М.: НЛО, 2004. С. 35.

13. Спустя десятилетия Данн так охарактеризует результаты работы Берлина как историка идей: «Что касается интеллектуального потенциала Исая Берлина, его вклада в историю политической мысли, то вклад этот нельзя назвать значительным. Берлин не был значительным политическим философом, скорее, его можно назвать поверхностным. В то же самое время он был одаренным историком; среди его достоинств — грамотная, красивая речь. Также он отлично понимал некоторых интеллектуалов прошлого, особенно русских интеллектуалов. Но в политическом смысле у него не было ни одной идеи, которая могла бы иметь хоть какое-то значение. Таким образом, у Исая Берлина не было своего подхода к истории политических идей, который был бы отличен от всех прочих и как-то бы вписывался в национальный контекст. У него было личное отношение к политическим событиям, очень яркое воображение и замечательные ораторские способности. Не думаю, что это имеет какое-либо значение для понимания политики» (Данн Д. Политическая философия — будущее человечества).

ра Данто и Джона Пассмора, а также использовал слова «намерения» и «речевые акты». Именно Джон Данн, забытый сегодня член «кружка», а не Скиннер или Покок сформулировал программу методологической базы Кембриджской школы, заявив о необходимости понимания намерения в *закрытом* контексте:

Если утверждение рассматривается в полностью открытом контексте, его значение может быть любым лексически связанным набором в рамках излагаемых положений. Человек может понимать под этим все что угодно. Проблема интерпретации — всегда проблема *закрытия* контекста. А контекст фактически закрывается намерением (или, шире, опытом) говорящего¹⁴.

Первый методологический манифест Скиннера появится лишь в следующем году. Опубликовав несколько исторических текстов, посвященных истории мысли, но не возымевших должного эффекта, Скиннер, как и его коллега, решил обратиться к проработке методологии истории идей. Очертив в нескольких ключевых статьях то, как он работает и собирается работать с материалом, Скиннер вернется к собственно историческим источникам лишь позднее. На протяжении пяти лет он развивал методологию. Всего у него вышло пять ключевых статей¹⁵, но для иллюстрации его подхода мы возьмем два текста — «Смысл и его понимание в истории идей» и «Некоторые проблемы в анализе политической мысли и действия»¹⁶, которые достаточно репрезентативны для того, чтобы можно было понять *намерения* автора. Казалось бы, незначительная, а на деле немаловажная деталь: в историческом журнале Скиннер говорил об «истории идей», в то время как в издании, посвященном политической теории, — о «политической мысли». Этот акцент не случаен: как историк, Скиннер намеревался распространить свой проект далеко за пределы исторической науки и с представителями каждой дисциплины, на территорию которой заходил, говорил на их языке.

Мы не ошибемся, если предположим, что, как и Данн, Скиннер искал опору в теории речевых актов Джона Остина. Установки на необходимость изучения исторического контекста, прово-

14. *Dunn J. The Identity of the History of Ideas // Philosophy. 1968. Vol. 43. № 164. P. 98.*

15. Все представлены в книге: *Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / J. Tully (ed.). Princeton, NJ: Princeton University Press, 1988. P. 29–132.*

16. *Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory. 1969. Vol. 8. № 1. P. 3–53; Idem. Some Problems in the Analysis of Political Thought and Action // Political Theory. 1974. Vol. 2. № 3. P. 277–303.*

дившегося и до Скиннера, оказалось недостаточно для методологической программы, для переворота в изучении истории идей, и потому историк заимствовал аргумент иллокутивной силы, которая наравне со смыслом сказанного/написанного была обязательна для понимания исторического текста. Скиннер писал:

...чтобы заявлять о *понимании* какого-либо высказывания в прошлом, недостаточно отследить, что было сказано, или даже отметить, что значение сказанного могло измениться с тех пор. Недостаточно исследовать даже то влияние, которое мог оказать на смысл высказывания социальный контекст. Следующим шагом обязательно должно быть исследование того, *каким образом* подразумевалось то, что было сказано, и какая зависимость могла быть между различными высказываниями в рамках общего контекста¹⁷.

Скиннер пошел даже дальше и заявил, что рассуждения Остина относительно иллокутивной силы должны быть расширены, чтобы у нас имелась возможность размышлять о менее явных, косвенных и, возможно, непризнанных иллокутивных актах. Данный, вполне ожидаемый вывод был нужен Скиннеру, чтобы оспорить предшествовавшие подходы к изучению интеллектуальной истории. Скиннеру было очень важно нанести удар не только по политическим теоретикам (вольно обращающимся с идеями) и историкам (изучающим контекст мысли), но и по политическим философам (интерпретирующим тексты) с позиций лингвистической философии.

Эта ничем не спровоцированная агрессия не могла остаться без ответа: на Скиннера организовали атаку с разных фронтов, а он в ответных, новых статьях отражал критику и формулировал новые аргументы. Спустя несколько лет его статьи все еще были чрезвычайно полемичными. Это касается текста «Некоторые проблемы в анализе политической мысли и действия», посвященного дискуссии о том, как правильно понимать интенции или идеологию того или иного автора. В целом статья затрагивала даже не столько метод, сколько различные позиции, к которым приходили иные историки в результате своих изысканий. Конечно, Скиннер нашел способ, каким образом представить эту полемику как методологию, но по большому счету был вынужден отказаться от того, на что делал ставку с самого начала, — от некоторой строгой философичности подхода:

17. *Idem*. Meaning and Understanding in the History of Ideas. P. 47.

Другой дефект моего первоначального представления заключался в том, что я неправильно использовал аргумент, который заимствовал у Д. Л. Остина об «иллокутивной силе» высказываний. Я попытался применить его в ходе атаки на идею, что политические теории являются только производными от политических практик, — атаки, которая, как я теперь чувствую, полностью потерпела неудачу¹⁸.

Теперь мы можем развеять устоявшийся миф относительно использования Скиннером теории речевых актов. Отечественные авторы — хотя не только они — до сих пор убеждены в том, что философия Остина остается актуальной для методологии Скиннера¹⁹. Впрочем, так думают не все. Например, Олег Хархордин замечает:

... для кого-то больше подходит теория речевых актов повседневного языка, на чем основывается Витгенштейн с Остином и *якобы* основывается Скиннер²⁰.

Как можно заметить, Скиннер в самом деле основывался на философии Остина, но уже в 1974 году признал ошибочность использования остиновского аргумента. Было бы непростительной ошибкой полагать, будто Скиннер с тех пор мог передумать. И в дальнейшем имя Джона Остина в его текстах появлялось лишь в качестве упоминания, Скиннер всего-навсего использовал «жаргон» философа²¹. Но, хотя Скиннеру пришлось отказаться от «неправильного использования» речевых актов, в его *методологическом* арсенале остались два кита Кембриджской школы — идеологический и исторический контексты политической мысли. Однако этим скиннеровские приключения с методологией не заканчиваются.

Дело в том, что у него оставался еще один методологический козырь, который историк уже разыграл в статье «Смысл и его понимание в истории идей», активно апеллируя к установкам английского философствующего историка Робина Коллингвуда,

18. *Idem*. Some Problems in the Analysis of Political Thought and Action. P. 284.

19. Атнашев Т., Велижев М. Указ. соч. С. 29; Пономарева М., Туманов Н. Указ. соч.

20. Интервью с Олегом Хархординым // Новое литературное обозрение. 2015. № 134. С. 131. Курсив мой. — А. П.

21. «Пользуясь жаргоном Джона Остина, необходимо знать, в каких речевых актах может использоваться слово» (Скиннер К. Язык и политические изменения // Логос. 2005. Т. 15. № 3. С. 146).

который обрел некоторую популярность только после смерти, в 1950-е годы. В нескольких своих трудах Коллингвуд, формируя социально-философский подход к истории, обращался к вопросу о верном понимании мыслителей прошлого, используя словарь лингвистической философии, но специально отмечая, что употребляет термины Остина как логические категории, — к полемике с философами языка он, видимо, был не готов. Коллингвуд требовал возвращения историков идей именно к тем вопросам, которые мыслители прошлого сами ставили перед собой. Кроме того, он утверждал, что контекст рождения мысли, и то не всегда нам известный, отличается от контекста, в котором мы к этой мысли обращаемся²². А это было выпадом против «ценностных абсолютистов», утверждавших, что идея, высказанная когда-то в тексте, остается той же самой, актуальной для нас, то есть «вечной».

От наследия Коллингвуда Скиннер потом не отречется, но в итоге, скорее, оставит его в покое. В более поздней статье — «Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы» — историк в очередной раз воздаст похвалы Данну, Пококу, а также историку Питеру Ласлетту и сообщит, что тексты политических мыслителей являются действиями, за которыми стоят конкретные намерения/интенции. Именно эти интенции призывает вслед за Коллингвудом обнаруживать в истории идей Скиннер²³. Главное, однако, в том, что в этой более поздней статье он хотел не столько в очередной раз объяснить, что он делает в рамках истории, сколько оспорить антиинтенционалистские установки в деконструктивистской интерпретации — тогда в американских университетах это был популярный и активно используемый метод работы с текстами. Таким образом, Коллингвуд вновь пригодился Скиннеру лишь в определенном контексте, и то в качестве полемического аргумента. Дело в том, что, сопоставляя тексты Скиннера разных лет, мы вновь обнаруживаем некоторое несоответствие позиций. В начале карьеры он допускал возможность, что даже Коллингвуд мог заблуждаться: «Ошибка самого Коллингвуда связана с тем, мне кажется, что главным оружием его атаки на вечные ценности был мощный тезис: мы не можем даже сказать, что

22. Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. С. 287–288.

23. Скиннер К. Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы // Неприкосновенный запас. 2004. № 66. С. 55–66.

тот или иной мыслитель реализовал задачи, которые поставил перед собой, коль скоро мы в состоянии узнать только о тех задачах, которые он разрешил»²⁴. Тогда еще вооруженный арсеналом философии Остина, Скиннер отмечал, что «эти рассуждения ничем не отличаются от той путаницы, о которой я уже говорил: нужно различать намерение *сделать* что-либо и намерение, *заключенное* в какое-то действие (намерение-смысл)»²⁵. Однако спустя пару десятилетий, когда историку, отказавшемуся от теории речевых актов, вдруг пришлось оспаривать американскую моду на Деррида, именно авторитет Коллингвуда пришелся как нельзя кстати²⁶.

Мы не ошибемся, если предположим, что теория речевых актов Джона Остина должна была проявиться и в методологических текстах Джона Покока. В отличие от Данна и Скиннера, он сохранял верность этой установке намного дольше, чем то даже требовалось. Так, в тексте 1981 года «Реконструкция дискурса: к историографии политической мысли» Покок, на тот момент уже перебравшийся в США, пускается во все тяжкие лингвистической философии, пытаясь показать, как идеи Остина могут помочь историку политических идей. В тексте он старается совершить следующее:

...проследить, каким образом историки реконструируют политическую мысль как дискурс, то есть как последовательность речевых актов, осуществляемых агентами в контексте, который определяется социальными структурами и историческими ситуациями, а также — и во многом даже более непосредственно — политическими языками, с помощью которых осуществляются эти акты. Предполагается, что эти акты осуществляются в отношении, а также изменяют статус: 1) слушателя или читателя, к которому направлена речь, 2) самого говорящего или пишущего текст, на которого также всегда влияет «его» собственный акт, 3) структуры языка, которая подкрепляется либо модифицируется речевыми актами и условиями, в которых они

24. Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas. P. 50–51.

25. Ibidem.

26. Хотя метод Скиннера моментально начали критиковать с позиций лингвистической философии (Graham K. How Do Illocutionary Descriptions Explain? // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics. P. 147–155), потребовалось очень много лет, чтобы кто-то попытался проанализировать, как в его подходе одновременно уживаются Остин и Коллингвуд: Hamilton-Bleakley H. Linguistic Philosophy and *The Foundations* // Rethinking the Foundations of Modern Political Thought / A. Brett et al. (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

осуществляются. <...> Моя непосредственная цель — разработать концепцию дискурса как серии речевых актов, которые осуществляются в языках²⁷.

Несмотря на то что этот текст был написан через несколько лет после выхода главной книги Покока — «Момент Макиавелли», в нем историк описывал *post factum*, как он якобы делал то, что в итоге написал в этой книге. Однако та часть текста, в которой он обращается к эмпирическому материалу (случаи, когда Покок говорит о своих предшествующих изысканиях в области истории, а не метода), имеет весьма опосредованное отношение к его пространным экскурсам в теорию речевых актов. Одним словом, попытка Покока придать своей работе флер утонченной философской методологии, по крайней мере, с позиции сегодняшнего дня не выглядит такой уж успешной. Точнее было бы сказать так: изящная и эффектная методология Покока мало пересекалась с его «прикладными текстами».

В контексте политической теории

Самое большое удивление читателя ожидает, если он сравнит методологические тексты Покока и его эмпирические работы. Первые — многословные и излишне усложненные, не во всем ясные и практически полностью оторванные от предмета изучения. Другие тексты, в которых Покок, отодвинув методологию, выступает как историк, выходят на совсем другой, более качественный уровень. В отличие от Скиннера, на что обращает внимание Олег Хархордин²⁸, Покок был куда более амбициозен, когда пытался доказать, что республиканские идеи гражданского гуманизма проникли в Соединенные Штаты, чем ожидаемо навлек на себя гнев американских историков. Статья «Между Гогом и Магогом: республиканская идея и американская идеология» являет собой уже совсем другой случай первоклассной политической полемики с авторами, которые упрекали Покока, с одной стороны, за то, что он упраздняет «марксистскую историографию», а с другой — за то, что он как ревизионист приписывает американцам республиканские идеи, в то время как

27. Pocock J. G. A. The Reconstruction of Discourse: Towards the Historiography of Political Thought // MLN. 1981. Vol. 96. № 5. P. 959.

28. Интервью с Олегом Хархordiным. С. 119.

в основе создания Соединенных Штатов лежит либерализм²⁹. Этот заход на американскую почву в том числе определил интерес американцев к идеям Кембриджской школы. Имя Покока очень быстро стало узнаваемым среди гуманитариев, и уже через какое-то время с ним начали спорить не только историки, но и политические теоретики. Тем самым Кембриджская школа постепенно перешла в иной национальный интеллектуальный контекст — американский.

Таким образом, Покок — и в этом тоже секрет его популярности — автор нескольких лиц. Мы видим Покока — методолога истории идей и Покока — историка политической мысли. Точно так же, как и в случае Скиннера, в итоге методология Покока претерпела серьезные изменения: когда ретроспективно он описывает свой вклад в дисциплину, известную как «история политических идей», то указывает именно на те вещи, которые со временем составили ему славу и кажутся работоспособными до сих пор. Однако — подчеркнем еще раз — его методология остается не вполне применимой в действительности. По большому счету она ограничивается изучением «дискурса» (или «дебатов») с эпизодическими обращениями к историческим примерам. Вопрос в том, стоит ли под такую установку подводить серьезный философский фундамент. С еще большими основаниями мы можем сказать это же о Скиннере. Есть Скиннер — методолог истории политических идей, Скиннер — практикующий историк и Скиннер — политический теоретик. Все эти уровни работы у него органично сочетаются. И все же несмотря на то, что Скиннер обходится с методологией более аккуратно, о применимости его метода к эмпирическому материалу мы могли бы задать несколько вопросов.

В частности, если мы задумаемся, что именно из всего методологического арсенала, так подробно описанного и разобранныго Скиннером, мы встретим в его «Истоках современной политической мысли», то правильным ответом будет: ничего. Или почти ничего. Как и в случае с Пококом, методология Скиннера и его кропотливая работа историка — две разные сферы деятельности. Будьте уверены, мы не найдем в двухтомнике ссылок на Людвига Витгенштейна и Джона Остина, упоминаний речевых актов, иллюкутивной силы или чего-нибудь еще в этом роде. Не найдем мы их и в книге Покока «Момент Макиавелли». В библио-

29. Pocock J. G. A. Between Gog and Magog: The Republican Thesis and the *Ideologia Americana* // Journal of the History of Ideas. 1987. Vol. 48. № 2. P. 325.

графии работы Покока — лишь три исторических текста Квентина Скиннера, опубликованных им до того, как он обратился к рассуждениям о методе. Это же касается библиографии Скиннера: все источники, даже тексты Джона Данна и Джона Покока, относятся строго к предмету исследования. Разумеется, Скиннер «работает в соответствии с методом», то есть рассматривает политические идеи в историческом и идеологическом контекстах, подробно исследуя разные традиции политической мысли, их влияния и разрывы. Конечно, закономерным было бы отметить, что и это уже немало, если бы это не был подход типичного историка. И все же книга Скиннера отличается от других исторических работ тем, что автор, используя максимум материала, может прийти к более точным или неожиданным выводам, впрочем иногда злоупотребляя обобщениями. Собственно метод Скиннер описывает в самом начале первого тома: 1) представить обзор основных текстов политической теории Средних веков и раннего Нового времени, 2) использовать тексты политической теории Средневековья и раннего Нового времени, чтобы показать, как в исторической перспективе образовалось понятие *the State*, 3) предложить особый подход к изучению исторических текстов³⁰. Выглядит этот инструментарий довольно лаконично, по крайней мере в сравнении с теми сложными теоретическими изысканиями, которыми он занимался в предшествующие десять лет.

Для примера возьмем случай Никколо Макиавелли. Скиннер не описывает его политическую философию последовательно, вместо этого сравнивая книги Макиавелли, как и заявлялось, с множеством других источников. Он рассказывает, что у Макиавелли было общего с современными ему итальянскими авторами, чтобы в итоге показать, что оригинального предложил философ в «Государе». В конце концов Скиннер приходит к выводу, что Макиавелли был убежденным республиканцем, а трактат «Государь» писал, руководствуясь конъюнктурными соображениями, о которых заявляет в начале текста. И уже в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия», как показывает Скиннер, когда ставка на «Государя» себя не оправдала, Макиавелли по-

30. Скиннер К. Истоки современной политической мысли. Т. 1. С. 7–9. Несмотря на то что третья цель декларируется, в действии упоминаемый метод обнаружить очень трудно. Кстати, Скиннер в сноске ссылается на установки Коллингвуда, Покока и особенно благодарен Данну. В источниках, однако, он упоминает лишь свои методологические тексты.

зволяет себе выступить традиционным республиканцем. Нельзя сказать, что это было серьезным прорывом для политической и социальной философии, но все же главная заслуга Скиннера заключалась в другом — во всестороннем освещении современной политической мысли и попытках понимания разных авторов в контексте их работы. Если какое-то из указанных намерений Скиннера и было выполнено, так это второе — показать преемственность словаря политической мысли раннего Нового времени и возникновение новых понятий. Но Скиннер, в конце концов, хотя бы следовал установке работать с историческим контекстом. Если же мы обратимся к книге Покока, то увидим, что тот, в отличие от Скиннера, относится к методу куда более пренебрежительно, в частности предлагая авторскую интерпретацию «Государя» (например, сосредоточивая внимание на фигуре «политика-инноватора»), что для исходных позиций автора является довольно волюнтаристским решением³¹. Еще раз: и «Истоки современной политической мысли», и «Момент Макиавелли» оказались чрезвычайно важными и основательными книгами в области интеллектуальной истории, но методологически не были выдержаны.

Серьезные проблемы с применимостью метода, однако, ни в коем случае не должны умалять заслуг Скиннера и его коллег, и вот почему. Чтобы представить объем работы, выполненной Данном (который уже в конце 1960-х годов совершил с политической философией Локка то, что его коллеги осуществляют с итальянцами и англичанами несколько лет спустя), Пококом и Скиннером, достаточно обратиться к двум исследованиям, посвященным истории конкретных идей. Это книга социолога Роберта Нисбета «Прогресс: история идеи» и работа политического теоретика Кори Робина «Страх: история политической идеи»³². В первом случае автор просто пересказывает все когда-то прочитанные им книги, обнаруживая идею прогресса даже там, где ее не могло содержаться в принципе. Он группирует материал как пожелает, а тексты выбранных им мыслителей рассматривает настолько тщательно, насколько ему вздумается. Вместо того чтобы сконцентрироваться на мыслителях, действительно имеющих от-

31. Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton: Princeton University Press, 1975. P. 156–182.

32. См.: Нисбет Р. Прогресс: история идеи. М.: ИРИСЭН, 2009; Робин К. Страх: история политической идеи. М.: Территория будущего, 2009.

ношение к теме, и обрисовать истинную историю идеи прогресса, Нисбет, скорее, являет пример выдающейся эрудиции. Подход Кори Робина отличается, но он, опять же, интерпретирует политические идеи произвольно выбранных мыслителей (Гоббс, Монтескьё, де Токвиль, Арендт — а где Макиавелли?), чтобы показать, будто в основании их теорий лежала идея страха. Это скорее относительно удачная, но волюнтаристская реконструкция, нежели аккуратная работа со смыслами. Приходится констатировать: историки таким образом не поступают.

Однако, если мы взглянем на некоторые тексты *историков* конкретной политической мысли, то увидим, что установка изучать идеи в контексте отнюдь не нова. Убедительные примеры тому — книги Луиса Харца «Либеральная традиция в Америке» и Бернарда Бейлина «Идеологические истоки Американской революции»³³. Харц попытался показать, почему либерализм — это естественная идеология Соединенных Штатов и почему ей не могло быть альтернатив. Бейлин, как то и предполагает этос честного исследователя, решил не принимать на веру тезис, что идеология революционной эпохи в США была всего-навсего переложением идей естественного права. Подробно изучив колоссальный массив имеющейся литературы, а не только ключевые тексты по политической философии, Бейлин пришел к выводу, что идеи Американской революции носили весьма эклектичный характер, но главный их исток он усматривал в «республиканской философии» британских мыслителей — утверждение, к которому, между прочим, пришел и Джон Покок в своем труде «Момент Макиавелли». Можно быть уверенным, что, когда его оппоненты стали ставить его труд в один ряд с книгой Бейлина, о чем упоминает сам Покок³⁴, эти утверждения были не голословными. Труд Бейлина, на тексты которого Покок, кстати, ссылается, разумеется, подсказывает верность выводов самого Покока. Но дело не в этом, а в том, что «Идеологические истоки Американской революции» вышли на тринадцать лет раньше «Момента Макиавелли». Если называть вещи своими именами, то в конце 1970-х годов стало очевидно: Кембриджской школе нужно было найти что-то, кроме метода, что помогло бы пока-

33. Харц Л. Либеральная традиция в Америке. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1993; Бейлин Б. Идеологические истоки Американской революции. М.: Новое издательство, 2010.

34. Pocock J. G. A. Between Gog and Magog. P. 325.

зять выгодное отличие от предшествующих работ, выполненных в том же ключе.

Некоторым спасением для ученых Кембриджской школы мог быть их старший коллега Питер Ласлетт, который одним из первых предложил изучать политическую мысль исторически, то есть помещать ее в исторический и идеологический контексты. Так, Ласлетт, можно сказать, открыл миру политическую теорию Роберта Филмера, что помогло выставить в новом свете и политическую философию Джона Локка³⁵. Не один текст представителей Кембриджской школы истории политической мысли начинается с уважительной ссылки на Питера Ласлетта³⁶. Вместе с тем эти ссылки нужны лишь для того, чтобы указать на его роль первооткрывателя: сам Ласлетт, работавший в Оксфорде, не был так одержим методологией, что характерно для ранних работ его младших коллег-последователей. Питер Ласлетт, однако, важен совсем в другом контексте. Он был не просто историком, но таким историком, который заходил на почву политической теории. Именно с его подачи на несколько десятилетий в англоязычной политической философии стало популярным утверждение, что «на настоящий момент политическая философия мертва»³⁷, высказанное в конце 1950-х годов. Точка зрения, будто политическая теория находится в кризисе, упадке, на закате, в отставке и т. д., была очень популярна в среде социальных философов, историков, теоретиков и ученых до 1971 года, когда политическая теория якобы возродилась. И здесь мы подходим к главному.

35. К слову, мой коллега Александр Мишура и я уже обращались к Ласлетту и его исследованиям политической философии Роберта Филмера: *Мишура А. М., Павлов А. В. «Патриархия»: политическая философия Роберта Филмера // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2014. № 1. С. 92–105.*

36. *Скиннер К. Коллингвудовский подход к истории политической мысли; Покок Д. Г. А. The State of the Art // Новое литературное обозрение. 2015. № 134. С. 46; Он же. Квентин Скиннер: история политики и политика истории. Отечественные ученые воспроизводят этот паттерн, например Михаил Велижев и Тимур Атнашев (Атнашев Т., Велижев М. Указ. соч. С. 33). Интересным ходом было бы сравнить установки на исследование истории идей Коллингвуда и Ласлетта, что могло бы либо привести к выводу об очередном противоречии Кембриджской школы, либо, напротив, показать хоть какие-то органические связи и последовательность их методологии.*

37. Его будут цитировать не раз, в частности: *Ганнел Дж. Политическая теория: эволюция дисциплины // Политическая теория в XX веке. С. 64.*

Британский политический теоретик Бхику Парех отмечает в одном из своих текстов, что до 1971 года политическая философия вовсе не была мертвой. Имена Эрика Фегелина, Ханны Арендт, Лео Штрауса, Майкла Оукшота, Исайи Берлина, Карла Поппера и т.д., с точки зрения Пареха, яркое тому подтверждение. Вместе с тем эти авторы мало общались между собой, и каждый из них предлагал собственный проект политической теории. Благодаря этой разобщенности и отсутствию единого дискурсивного пространства оказались возможны постоянные нападки на политическую теорию со стороны политических ученых бихевиористского толка, а также представителей других гуманитарных дисциплин. И хотя Покок сетует на то, что в политической теории в 1950–1960-е годы доминировал антиисторический подход, но историки, такие как исследователь Французской революции Альфред Коббан, объясняли политическим теоретикам, чем должна быть политическая теория, а чем не должна. Подход Коббана сложно назвать удовлетворительным: для него идеалом политического теоретика был Эдмунд Берк, являвший собой блестящий пример практического политика и политического философа в одном лице. Ничего более конструктивного он не предложил³⁸.

Кембриджская школа пыталась выдвинуть свой вариант понимания политической теории — противопоставить относительно популярной на тот момент истории политической философии (которая, впрочем, была основным предметом критики) в виде изучения «великих текстов» историю политической мысли, помещенную в идеологический контекст³⁹. По публикациям текстов и ссылкам на конкретных авторов мы видим, что представители Кембриджской школы двигались именно в этом направлении. Впрочем, Джон Данн и Квентин Скиннер приняли решение стать самостоятельными политическими теоретиками. Однако они выбрали разные «карьерные стратегии». Данн, оставив историю мысли, решил начать сначала и стать оригинальным политическим теоретиком⁴⁰, Скиннер же сохранил верность позици-

38. Коббан А. Закат политической теории // Политическая теория в XX веке. С. 219–236.

39. Опять же, и в этом представители Кембриджской школы не были пионерами. Так, Ричард Эшкрафт искал в текстах политической философии идеологические импликации: Эшкрафт Р. Политическая теория и проблема идеологии // Политическая теория в XX веке. С. 364–387.

40. Одним из результатов его деятельности на этом поприще стала книга, изданная даже на русском языке: Данн Д. Не очаровываться демократией. М.: Издательство Института Гайдара, 2016.

ям школы, не отказываясь окончательно от метода и своего главного интереса — республики. Именно поэтому спустя много лет Данн скажет:

Меня в основном интересует политическая история мира и в особенности современная политическая история. Мне интересно настоящее, но в большей степени будущее. Ни Джон Покок, ни Квентин Скиннер не питают серьезного интереса к политике. Их не интересует будущее, они почти ничего не знают о современной политике. Я же потратил всю жизнь на изучение и размышления об этом предмете. Поэтому я — очень нетипичный представитель Кембриджской школы. Типичным представителем этой школы является как раз Квентин Скиннер. Именно для него характерно то особое отношение к политике, которым вдохновляются люди, приступая к изучению истории политических идей. Это отношение уже превратилось в форму исторического понимания⁴¹.

Однако в конце 1980-х годов даже Данн (и уж тем более Скиннер) не отказывался от идеи изучения ключевых политических понятий, что нашло отражение в его тексте «Революция», опубликованном в книге «Политическая инновация и изменения понятий»⁴². Впрочем, по тексту мы видим, насколько далеко Данн отошел от установки на контексты, работая с «понятием». Открывала же сборник статья Скиннера⁴³. Примечательно, что редактором книги стал политический теоретик Теренс Болл, разделявший со Скиннером нелюбовь к засилью постмодернизма в американской политической теории⁴⁴. Примерно в то же время вышла книга под редакцией Джеймса Талли «Значение и контекст: Квентин Скиннер и его критики», посвященная критике методологии

41. Он же. Политическая философия — будущее человечества.

42. Джон Данн в том же сборнике рассуждает о понятии революции уже совсем не в тех категориях, которые он использовал на рубеже 1960–1970-х годов. Русский перевод этого текста см.: Он же. Революция // Концепт «революция» в современном политическом дискурсе. М.; СПб.: Алетейя, 2008.

43. Скиннер все еще сохраняет некоторую верность своим истокам, в доброжелательном тоне упоминая имена Витгенштейна и Остина. См.: Скиннер К. Язык и политические изменения; Skinner Q. Language and Political Change // Political Innovation and Conceptual Change / T. Ball et al. (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

44. Болл Т. Куда идет политическая теория? // Политическая теория в XX веке. С. 387–411.

Скиннера⁴⁵: с ним в том числе спорили состоявшиеся политические теоретики типа Джона Кина и Чарльза Тейлора. В свою очередь, Джон Покок понял, что политическая теория — куда более привлекательная сфера для карьеры, чем история, и стал, оставаясь историком, широко цитировать американских политических теоретиков (Шелдон Уолин, Джон Ганнел и Ричард Эшкрафт — самые яркие примеры)⁴⁶. В итоге уже в 1996 году такой авторитет политической науки, как Гэбриэль Алмонд, описывая историю дисциплины, пусть и в контексте разговора о ренессансной политической теории, почтительно сослался на Покока и Скиннера⁴⁷. Вместе с тем даже в середине 1990-х годов доминирующей в американской политической теории оставалась нормативная парадигма, в которую представителям Кембриджской школы с их идеями вписаться было тяжело. Однако решение вскоре было найдено.

В контексте республиканизма

Фактически Квентин Скиннер вступил на территорию политической философии в 1984 году, указав на путаницу в понимании негативной свободы в современной ему политической теории. Убедительно продемонстрировав, что негативная свобода определяется разными авторами частным образом и волюнтаристски, он обратился к богатому историческому материалу, отчасти уже изложенному в его «Истоках современной политической мысли». При этом его текст, некоторым образом формулируя структуру классической республиканской теории свободы, имел в прямом смысле негативную установку — доказать несостоятельность представлений современных политических теоретиков о понятиях используемого ими словаря вообще и о негативной свободе в частности. Чтобы превратить эти труды в позитивную программу, то есть предложить реальную альтернативу в существо-

45. См.: *Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics*.

46. Покок Д. Г. А. *The State of the Art*. С. 59, 67, 69. Кроме того, в 1971 году Покок уже атаковал одного из самых влиятельных американских историков политической теории, Джорджа Сэйбина. Подход последнего Покок не мог признать историческим ни при каких обстоятельствах. Ученый заклеил его как устаревший, хотя и снисходительно добавил, что рекомендует читать эту «великую американскую классику» студентам-новичкам (Роскок J. G. A. *Political Thought and History*. Р. 21–22).

47. Алмонд Г. *Политическая наука: история дисциплины* // *Политическая наука: новые направления* / Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна. М.: Вече, 1999. С. 76.

вавших дискуссиях, потребовался новый автор, который разделял бы при этом ключевые тезисы главным образом Квентина Скиннера, а не Кембриджской школы вообще. Таким автором стал Филипп Петтит, который в итоге сформулировал самостоятельный проект политической философии республиканизма и четко очертил новый вариант свободы, отличающейся от негативной и позитивной.

В 1997 году Петтит выпустил книгу «Республиканизм. Теория свободы и государственного правления»⁴⁸. Отдавая дань уважения Квентину Скиннеру как историку, он провозгласил, что вновь открытая последним республиканская теория свободы может стать новым словом в современной политической теории. При этом Петтит работал в нормативной парадигме — парадигме, получившей главенство в академической политической философии в последней четверти XX века. Разумеется, ни Скиннер, ни Покок, ни даже Джон Данн, который уже активно работал в жанре политической теории, не имели к ней отношения. Вместе с тем, хотя нормативная теория не предполагает обращения к истории, в «Республиканизме» первая глава «До негативной и позитивной свободы» носит исключительно «исторический» характер. Вопрос, которым сразу же задается читатель, осведомленный о том, что такое нормативная теория, состоит в следующем. Если Филип Петтит отчетливо позиционирует свою политическую теорию как нормативную, а себя как нормативного политического философа, а не историка идей, понятий, идиом или дискурсов, зачем ему понадобилось писать «историческую» главу «Республиканизма»? Собственно, текст посвящен истории политической идеи республиканской свободы как не-доминирования в том виде, как ее представляет Петтит, — ее возникновению, появлению в текстах ранних нововременных мыслителей, а также тому, как постепенно она была вытеснена иным пониманием свободы — негативной свободой как не-вмешательством. Джон Ролзу, например, не требовалось обращаться к текстам Платона или Прудона, чтобы отделить свою теорию справедливости от предшественников и уж тем более найти какую-то преемственность. Дело в том, что если Ролз предлагал на суд публики собственную теорию, то Петтит, обращаясь к очень *давней традиции*, не изобретал новую идею, которая бы соответствовала самым высоким политическим стандартам, но всего лишь напоминал о ней. Он

48. Петтит Ф. Республиканизм. Теория свободы и государственного правления. М.: Издательство Института Гайдара, 2016.

не просто возвращал к жизни старое (новое) понимание свободы, но упразднял сложившиеся за несколько столетий представления о двух пониманиях свободы. А так как республиканское понятие свободы существовало задолго до появления политических идеологий (в частности, либерализма), то республиканизм должен был предстать не идеологическим проектом, но главным образом политико-философским.

Однако предприятие Филипа Петтита по своему содержанию ничуть не менее идеологическое, чем политико-философское (Петтит и сам сопоставляет его с либерализмом и популизмом⁴⁹). Республиканизм, хотя и начинается с понимания свободы как не-доминирования, распространяется далеко за пределы политической философии — в экономику, юриспруденцию, публичное пространство — и даже предлагает республиканскую концепцию демократии. Петтит делает все, чтобы его нормативная теория выглядела реализуемой на практике и не оставалась лишь теорией. В этом свете становится понятным, зачем Петтит понадобилась история идеи: он проводит линию демаркации, разделяющую тех политических теоретиков, которые вытеснили республиканскую свободу из политического дискурса за счет снижения предъявляемых к идее свободы требований (Томас Гоббс, Иеремия Бентам и Уильям Пейли), и тех, кто может быть вписан в историю петтитовского республиканизма (Никколо Макиавелли, Джеймс Гаррингтон, Шарль-Луи Монтескьё и авторы «Федералиста»). При этом Петтит особым образом работает с «историей идей», обращаясь в основной части к цитатам из текстов упоминаемых им авторов и не утруждая себя объяснениями, насколько эти цитаты вообще важны для общего замысла этих мыслителей. Если учитывать данный нюанс, может создаться впечатление, что Петтит всего лишь изобретает легенду, в которую для большей убедительности вписывает хорошо знакомые имена. Таким образом, современный республиканизм приобретает определенную солидность и респектабельность, возрождая к жизни забытые политические идеалы. И эти идеалы Петтит вписывает в актуальную политическую теорию второй половины XX века. Ирония, однако, в том, что в этой главе он не просто не соблюдает

49. В этом смысле когда Михаил Велижев и Тимур Анташев называют его подход «республиканским либерализмом», то допускают существенную неточность: республиканизм является альтернативой либерализму. Даже не вдаваясь в суть философии Петтита, этой неточности можно было бы избежать, вспомнив название книги Скиннера «Свобода до либерализма», вышедшей на русском языке.

методологические установки Кембриджской школы, но делает нечто ей противоположное: его аргументами, с которыми, впрочем, соглашается Скиннер, становятся вырванные из контекста цитаты, образующие «традицию» и «разрыв». И как бы точно эти цитаты ни отражали замысел авторов, они все равно остаются лишь цитатами⁵⁰.

Очевидно, что Петтит не просто повторяет то, что сделал Ролз, но и расширяет поле политической дискуссии, привлекая к разговору о республиканизме всю историю политической философии и почти всех современников — феминисток, социалистов, коммунитаристов, зеленых и т. д. Но давайте посмотрим, на кого из авторов, работавших до Ролза, ссылается Филип Петтит. Если внимательно прочитать «Республиканизм», а также ознакомиться с обильным списком литературы, может создаться впечатление, что щедрому автору не составит никакого труда дать ссылку на того или иного мыслителя. Однако это кажущаяся щедрость: Петтит очень внимательно выбирает авторов, которых упоминает. Это видно не только по тому, как он смотрит на историю идеи республиканизма, но и по его взгляду на современность. Во-первых, разумеется, он не может обойтись без ссылки на Исая Берлина, так как ему необходимо снять дихотомию негативной и позитивной свободы, чтобы вывести разговор в совершенно иную плоскость. В этом смысле Берлин — традиционная «груша для битья» представителей Кембриджской школы — нужен Петтиту только как точка, с которой можно стартовать, чтобы забыть о нескольких десятках лет дискуссий о свободе. К слову, представители Кембриджской школы обратились к критике непосредственно Берлина значительно позже — в середине 1980-х годов, но с тех пор он является одним из самых упоминаемых (конечно,

50. Иногда Петтит позволяет себе еще более парадоксальные вещи. С его точки зрения, политическая философия Руссо не имеет никакого отношения к продвигаемому им проекту республиканизма, однако она может быть «республиканской» в петтитовском смысле, но при конкретной республиканской интерпретации: «Среди выдающихся представителей современной республиканской традиции — Гаррингтон, Монтескьё и, возможно, Токвиль; к ней следует причислить и Руссо, хотя, по-моему, это можно сделать только при условии не-популистской интерпретации его взглядов» (*Петтит Ф. Указ. соч. С. 57*). Как видим, ни о какой строго определенной интенции автора политического текста в случае Петтита речи быть не может. Напрашивается вывод, что если это так, то его предшествующие выдержки из работ Макиавелли, Монтескьё и других авторов являются не более чем интеллектуальным кульбитом.

в негативном ключе) «философов», как язвительно охарактеризовал его Покок. Во-вторых, еще одну «негативную ссылку» Петтит делает на Ханну Арендт. Эту ссылку можно было бы охарактеризовать как снисходительную. Петтит называет ее имя лишь для того, чтобы показать, что собирается упразднить или оспорить ее копирайт на термин «республиканизм». Снисходительность не только в том, что Петтит упоминает Арендт для того, чтобы от нее отмахнуться, но и в том, что он отмечает: на момент середины 1990-х годов слово «республиканский» связывали с коммунитаристским и популистским подходом («вероятно, под влиянием Ханны Арендт»). Иными словами, он не просто оспаривает ее копирайт на «республику», но вообще сомневается в том, есть ли у нее этот копирайт. Кроме того, ссылок на Лео Штрауса, Майкла Оукшота и Эрика Фегелина в «Республиканизме» Петтита мы не обнаружим: они ему просто не нужны, потому что: 1) они были неактуальны, 2) их трудно вписать в то дискурсивное поле нормативной политической теории, которое формирует сам Петтит.

Вне всяких сомнений, Петтит несколько раз позитивно цитирует Ролза, но тому есть следующие объяснения: а) он прокладывает дорогу от «возрожденной политической философии», которая на тот момент все еще имела монопольное право на единое дискурсивное пространство, к своей собственной; б) теория Ролза является для Петтита *актуальной* политической философией. Обратимся, например, к антологии «Современная (*contemporary*) политическая философия», составленной Филипом Петтитом и Робертом Гудином в 1990-е годы. Мы вновь не обнаружим в ней ни Арендт, ни Лео Штрауса, ни Карла Шмита или кого-нибудь из неомарксистов. Зато найдем либерала Джона Ролза и либертарианца Роберта Нозика, коммунитаристов Аласдера Макинтайра, Чарльза Тэйлора (показательно, что в антологию включен его текст «Что не так с негативной свободой?»), Майкла Сэндела и Майкла Уолцера, феминисток Кэрол Пейтмен и Айрис Мэрион Янг, аналитического философа права Герберта Лайонела Адольфуса Харта, непременно Исаяю Берлина, а главное — Квентина Скиннера⁵¹. Единственный ав-

51. См.: Contemporary Political Philosophy: An Anthology / R. E. Goodin, P. Pettit (eds). Oxford, UK: Blackwell, 1997. В другой антологии редакторы меняют концепцию и выбирают уже совсем другие тексты, обращаясь к еще более современным авторам и темам. См.: A Companion to Contemporary Political Philosophy / R. E. Goodin et al. (eds). 2nd ed. Oxford, UK: Blackwell, 2007. Vol. I.

тор, который выбивается из списка, — это Мишель Фуко, который, впрочем, нужен для того, чтобы осветить «постмодернизм». Итак, большинство упоминаемых в «Республиканизме» имен Петтит интегрирует в свой проект, заявляя, что каждый из этих политических философов найдет для себя в республиканизме что-то привлекательное.

Уже в следующем году после выхода работы Петтита свет увидела книга Скиннера «Свобода до либерализма», в которой он, хотя и с куда большей основательностью, развертывал аргументацию Петтита, называя его «самым мощным сторонником неоримской свободы»⁵². С этого момента Петтит становится надежным союзником Кембриджской школы, позволяя распространить ее влияние в сферу нормативной политической философии⁵³. Главное дело Скиннера с тех пор — доказывать существенное значение забытого понимания свободы, которую он открыл. Хотя может сложиться впечатление, будто Скиннер говорит то же самое, что и раньше, несложно заметить новый акцент на том, что он сделал существенный вклад в историю политической философии:

Я полагаю, что интеллектуальные историки могут произвести нечто, представляющее более чем антикварный интерес, если просто будут делать свою работу. Вполне достаточно того, чтобы они открывали богатства нашего интеллектуального наследия, которыми мы зачастую пренебрегаем, и предъявляли их публике⁵⁴.

Основной вывод из всей этой истории в том, что отныне для Скиннера ключевым стал отнюдь не метод, но то, что удалось открыть в процессе исследований и четко сформулировать с помощью Петтита, — республиканская свобода. Так Скиннер фактически окончательно превратился в политического теоретика.

В контексте отечественной гуманитарной науки

Вкратце рассмотрев историю деятельности Кембриджской школы, мы можем поставить вопрос о том, насколько важна методо-

52. Скиннер К. Свобода до либерализма. СПб.: ЕУСПб, 2006. С. 73.

53. Конечно, позиции Петтита и Скиннера не совпадают во всем, о чем оба заявляют, однако в главном они соглашаются — в продвижении республиканского проекта.

54. Там же. С. 98–99.

логия ее представителей и работает ли она вообще, если учесть, что в итоге все они так или иначе от нее отошли, включая даже Покока, не слишком заинтересованного в проекте современного республиканизма. Особенно любопытно то, применим ли этот метод к иному историческому материалу. По большому счету имя Квентина Скиннера уже давно знакомо отечественному читателю — по крайней мере тому, кто тщательно следит за тенденциями в нашем интеллектуальном климате. Можно сказать, что бренд «Кембриджской школы» вообще и Скиннера в частности продвигают у нас два центра интеллектуальной силы — вышеупомянутый центр *Res Publica* Европейского университета в Санкт-Петербурге и издательство «Новое литературное обозрение» (НЛО). Мы видим, что для обоих «актеров» Квентин Скиннер важен не сам по себе. В первом случае центр *Res Publica* использует методологию, исторические исследования и политическую теорию Скиннера, чтобы предложить отечественному читателю то, что Пономарева и Туманов называют «кабинетной идеологией» республиканизма, — показать политическую альтернативу иным формам правления и политическим режимам и, как сформулировали авторы, способствовать формированию политического мышления европейского типа. Во втором случае Кембриджская школа важна для того, чтобы использовать ее методологию и, следовательно, бренд для исследования российской истории. Так, после публикации серии материалов о Кембриджской школе в одном номере НЛО отечественные филологи и историки в следующем выпуске попытались применить разработки Квентина Скиннера и в большей мере Джона Покока к нескольким кейсам российской истории. Некоторым образом центр *Res Publica* делает то же самое, но в ином ключе, а главное — не ограничивается историей, концентрируясь на политической теории, в то время как для авторов НЛО, кажется, важен именно метод.

И центр *Res Publica*⁵⁵, и НЛО⁵⁶ на протяжении какого-то времени продвигали бренд Кембриджской школы, с завидной регулярностью публикуя тексты прежде всего Квентина Скинне-

55. Он же. О свободе республик // Современная республиканская теория свободы: коллективная монография / Под науч. ред. Е. Рощина. СПб.: ЕУСПб, 2015. Ссылки на другие тексты Скиннера, опубликованные центром, см. в примечаниях ниже.

56. Он же. Амброджо Лоренцетти о силе и славе республик // Новое литературное обозрение. 2017. № 146. С. 39–60. Остальные публикации см. в примечаниях ниже.

ра, которому из всех представителей школы больше всего повезло быть представленным в России (впрочем, заслуженно, о чем речь пойдет дальше). Чтобы не возникло недоразумений: лично я всецело приветствую деятельность обоих центров и каждый раз радуюсь публикации очередного перевода Скиннера, и даже тогда, когда его позиции пытаются придать политический смысл, — в конце концов, это самостоятельный политический философ, а потенциал политической теории республиканизма в самом деле велик. Вместе с тем, если мы взглянем на деятельность центра *Res Publica* и НЛО, то увидим, что, во-первых, они не вполне критично подходят к методологии, которую активно используют, во-вторых, тем самым они становятся добровольными проводниками не просто научно-методологического, но и идеологического проекта, не предполагая некоторой дистанции, с той лишь разницей, что *Res Publica* делает это более сознательно и более последовательно.

Разобрав ключевые установки Кембриджской школы, мы можем сказать, почему *Res Publica* более удачно продвигает идеи Скиннера, нежели авторы НЛО. Сперва еще одна маленькая, но существенная ремарка. Центр *Res Publica* и НЛО — не единственные акторы интеллектуальной силы, которые знакомят отечественных читателей с Кембриджской школой. Несмотря на то что первые публикации Скиннера на русском вышли благодаря деятельности центра *Res Publica* и «Неприкосновенного запаса»⁵⁷, журнал «Логос» довольно давно также опубликовал два ключевых текста Квентина Скиннера — «Язык и политические изменения» и «Идея негативной свободы: философские и исторические перспективы»⁵⁸: первую статью через год после публикации «Неприкосновенного запаса», вторую — спустя восемь лет. Авторы НЛО отмечают заслуги центра *Res Publica*, но удостаивают «Логос», скорее, снисходительной ссылкой. В частности, они ссылаются на публикацию статьи Скиннера «Идея негативной свободы: философские и исторические перспективы» в «Политической концептологии», отмечая, что она была переиздана в «Логосе». И все же впервые текст был опубликован в пер-

57. См.: Он же. The State // Понятие государства в четырех языках. СПб.: ЕУСПб; Летний сад, 2002. С. 12–74; Он же. Коллингвудовский подход к истории политической мысли.

58. См.: Он же. Язык и политические изменения; Он же. Идея негативной свободы: философские и исторические перспективы // Логос. 2013. Т. 23. № 2. С. 155–186.

вом и единственном номере «Журнала политической теории»⁵⁹, шеф-редактором которого был нынешний главный редактор «Логоса». Впоследствии по его инициативе в «Издательстве Института Гайдара» и издательстве «Дело» РАНХиГС вышли принципиально важные для политической теории, истории политических идей и, шире, для социальной философии книги — «Республиканизм. Теория свободы и государственного правления» Филипа Петтита и двухтомник Скиннера «Истоки современной политической мысли»⁶⁰. Чем отличается позиция «Логоса» от вышеназванных центров интеллектуальной силы, так это отсутствием идеологической и методологической установки на слепое принятие предлагаемых Кембриджской школой и сторонниками республиканизма идей. Однако некоторым образом выгодоприобретателем выхода «Истоков современной политической мысли» становится центр *Res Publica*, вписывая издание Скиннера в политический контекст. Само по себе это не возбраняется, но мы должны задаться вопросом, есть ли на самом деле этот контекст в названных книгах Скиннера. И как видно, его нет: деятельность Скиннера ограничивается пределами академической политической теории.

Далее. Вступительная статья Михаила Велижева и Тимура Атнашева «„Context is king“: Джон Покок — историк политических языков»⁶¹ к подборке материалов в журнале «НЛО», посвященных Кембриджской школе, является прекрасным примером серьезной научной работы, призванной познакомить читателей с не вполне известным в нашем контексте интеллектуальным феноменом. Авторы подробнейшим образом описывают метод школы, освещают биографии Покока и Скиннера, а затем поднимают вопрос о необходимости применения этой методологии в России. За их текстом следуют две статьи Покока. В первой он представляет свой подход к истории политической мысли, а во второй — описывает интеллектуальную траекторию Квентина Скиннера. За этим блоком следуют три интервью: одно с социологом Александром Бикбовым, историком Александром Дмитриевым и историком Денисом Сдвижковым, второе — с историком Алексеем Миллером, третье — с историком

59. Он же. Идея негативной свободы: философские и исторические перспективы // Журнал политической теории. 2010. № 1. С. 170–182.

60. Петтит Ф. Указ. соч.

61. Атнашев Т., Велижев М. Указ. соч.

Олег Хархордин⁶². Во всех беседах обсуждаются возможности применения методологии Кембриджской школы в работах по русской истории. Но если Олег Хархордин последовательно отвечает на поставленные вопросы, то Алексей Миллер, как бы часто интервьюеры ни апеллировали к именам Покока и Скиннера, скорее раскрывает собственный взгляд на исторические исследования, чем отвечает на конкретные реплики. Один из тех, кто пытается поставить метод историков под сомнение, — Александр Бикбов. Реагируя на один из вопросов, он заметил, что методология Кембриджской школы не просто претерпевала изменения, но все еще является открытой для серьезных коррективов. Именно этот взгляд почему-то оставляют без внимания, хотя интервьюеры и критикуют заявление Бикбова относительно «анакроничности» методологии Кембриджской школы как не во всем справедливое. В итоге они описывают методологию Кембриджской школы как нечто устоявшееся и состоявшееся, хотя это, как мы видели, не соответствует действительности.

В частности, обращаясь к ранним текстам Скиннера и Покока, они объясняют их идею «контекста» как «полемическую языковую ситуацию», однако впоследствии делают оговорку, что Покок признает наличие социального и классового контекстов, а Скиннер вообще рассматривает все это как часть «контекста»⁶³, в чем мы могли убедиться. Вместе с тем авторы, хотя сами ссылаются на статьи Покока и Скиннера, не обращают нашего внимания, что Покок и Скиннер сделали эту корректировку уже в середине 1980-х годов. Точно так же авторы, вслед за Пококом, проговаривают, что Скиннер работает на трех уровнях: как историк политического дискурса, как методолог и как политический теоретик (они называют его «нормативным», что совершенно не так), однако все равно продолжают настаивать на значении имеющейся в нашем распоряжении методологии Кембриджской школы, в итоге опуская другие сферы исследовательского внимания прежде всего Скиннера. Зачем потребовалось навязчивое обращение к методу и представление о нем, как о чем-то состоявшемся, становится понятно к концу их статьи — по стремлению применить эту практику на материалах конкретно русской истории. В этом номере, однако, авторы лишь заявляют о своих интенциях, а уже в следующем работают с описанной методологией

62. См. рубрику «Дискуссия вокруг Кембриджской школы» в: Новое литературное обозрение. 2015. № 134. С. 93–132.

63. Атнашев Т., Велижев М. Указ. соч. С. 27, 28.

в рубрике «По следам Кембриджской школы: антропология языка социальности».

Статья Михаила Велижева представляет собой пример добротной исторической работы, в которой он тем не менее ссылается на Покока лишь единожды. И хотя он начинает ее с рассказа о Питере Ласлетте, а в конце вновь упоминает о важности программы Покока и Скиннера, его текст остается самостоятельным проектом и мало походит на то, что сделали Скиннер в «Истоках современной политической мысли» и Покок в «Моменте Макиавелли». Екатерина Правилова ни разу не ссылается на Кембриджскую школу, но обращается к американским корифеям интеллектуальной истории, таким как Ричард Пайпс и Марк Раев. Татьяна Борисова ссылается на Покока единожды, и то не на его методологическую работу. Тимур Атнашев, вначале проговаривая, что он, конечно, использует подход Скиннера и Покока, ссылается на Покока лишь однажды⁶⁴. Разумеется, отсутствие ссылок автоматически не означает, что авторы не работали в рамках указанного метода. Однако вопрос в том, какую именно часть метода Кембриджской школы заимствуют исследователи. То, что в названиях всех четырех текстов фигурирует слово «язык»? Постоянные обращения к «авторскому тексту», «дискурсам» (но не к «речевым актам», «намерению», «иллокутивной силе», *свободе, добродетели* и т.д.) и неоднократные упоминания «Кембриджской школы» не выглядят убедительными. Еще раз: сами по себе упомянутые тексты — качественные исторические исследования, но это точно не «интеллектуальная франшиза».

Самое существенное замечание по поводу взглядов русских авторов на Кембриджскую школу состоит в следующем. В частности, Велижев и Атнашев пытаются разобраться, можно ли использовать по отношению к группе английских историков термин «интеллектуальная история», упоминая, что сам Скиннер его не очень жалует. Вместе с тем Скиннер сыплет им на страницах хотя бы книги «Свобода до либерализма». Впрочем, это, скорее,

64. Велижев М. Язык и контекст в русской интеллектуальной истории: первое «философическое письмо» Чаадаева // Новое литературное обозрение. 2015. № 135. С. 71–87; Правилова Е. «Частная собственность» в языках российского общества конца XVIII — начала XIX веков // Новое литературное обозрение. 2015. № 135. С. 88–100; Борисова Т. «Необходимая оборона общества»: язык суда над Засулич // Новое литературное обозрение. 2015. № 135. С. 101–118; Атнашев Т. Реформаторы в поисках языка: книга Егора Гайдара «Государство и эволюция» // Новое литературное обозрение. 2015. № 135. С. 119–139.

упрек в адрес самой школы. Мы видели, насколько пренебрежительно авторы относятся к той области гуманитарного знания, которой занимаются, используя термины «история идей», «политическая мысль», «политическая теория», «языки», «дискурсы» и т. д. Иные политические теоретики всегда были очень аккуратны, классифицируя историю идей на «мысль» и «философию». Кембриджская школа настолько сильно погружена в размышления о методе и контексте, что в итоге так и не определилась с тем, что изучает, ограничившись указанием периода и места своего интереса. Но, разумеется, в сферу внимания историков попадает именно то, что традиционно считается политической философией.

Теперь становится ясно, почему «адаптация метода» в России не выглядит убедительной: по той простой причине, что подход Кембриджской школы контекстуален в прямом смысле этого слова. Скиннер и Покок исследуют преимущественно итальянскую, английскую и американскую политическую философию (помещенную в контекст мысли) раннего Нового времени, а также прослеживают традицию и разрывы с традицией от XIV до XVIII столетия. В фокусе их внимания остается *свобода* и ее понимание в *республиканской* и альтернативных ей традициях. Их контекстуализм ограничен географически, историческими и предметными рамками (свобода республик и относительно долговременные изменения ключевых понятий политического словаря). Например, скольких мы можем назвать последователей Кембриджской школы, активно применяющих ее методологию? Сам Покок упоминает несколько имен. Это финн Кари Полонен и канадец Джеймс Талли. При этом Покок делает две ключевые оговорки. Для Полонена Скиннер важен прежде всего как политический философ, но не как историк. Талли и его коллеги подробно разбирают в первую очередь методологические исследования Скиннера. Покок пишет, что, хотя Талли является историком и политическим философом, «...содержание его тома состоит из аналитических разборов методологических позиций Скиннера»⁶⁵. Остается лишь добавить, что когда Талли вновь обратился к чествованию Скиннера, то решил в очередной раз разобрать вместе с другими авторами ключевое значение «Истоков современной политической мысли» для ин-

65. Покок Д. Г. А. Квентин Скиннер: история политики и политика истории. С. 77.

теллектуальной истории⁶⁶ вместо того, чтобы в самом деле поработать с методом. Но это все. Когда Талли изучает историю политической мысли, то обращается непосредственно к периоду, остающемуся в фокусе внимания Кембриджской школы, — к контексту политической философии Джона Локка⁶⁷. Наконец, Филип Петтит, как уже отмечалось, нашел способ развивать республиканский проект, но он работает в рамках нормативной политической философии. Итальянский историк и политический теоретик Маурицио Вироли, также упоминаемый Пококом наряду с Петтитом, работает в том же ключе. Как и Талли, он изучает все те же темы — политическую философию Макиавелли, и когда обращается к республиканизму, что происходит довольно часто, то вписывает его в современный политический контекст. В частности, современную политическую ситуацию в Италии Вироли критикует с республиканских позиций⁶⁸. Таким образом, последователи Кембриджской школы либо обсуждают методологию Скиннера (а если и применяют ее в редких случаях, то не выходят за рамки названного контекста), либо обращаются к республиканизму.

Иными словами, «интеллектуальная франшиза» Кембриджской школы возможна, но самого по себе упоминания бренда недостаточно. В этом смысле направление работы центра *Res Publica* куда более продуманное и потому оправданное. Несмотря на то что исследователи нередко обращаются к отечественной истории, они концентрируют внимание именно на республиках, пытаясь обнаружить эту форму правления в самых неожиданных местах (например, в Армении), или на республиканской свободе. Более того, они не ограничивают сферу своих интересов Кембриджской школой и историей как таковой, активно продвигая самые разные исследовательские проекты, в центре которых все равно остается республиканская идея. Однако даже в случае, когда центр *Res Publica* обращается к политической философии, у отечественных исследователей явно недостаточно сил, чтобы достойно проработать материал. В коллективной монографии «Современная республиканская теория свободы» мы находим три текста русских авторов. Один из них — вступительная обзорная статья

66. Rethinking the Foundations of Modern Political Thought.

67. Tully J. An Approach to Political Philosophy: Locke in Contexts. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

68. Вироли М. Свобода слуг. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.

Евгения Рощина, второй — исследование Бориса Маслова, который работает в США (кстати, его обращение к материалу отечественной мысли в контексте республиканской свободы и контексте политического дискурса выглядит куда более привлекательно, нежели авторов НЛО), и третий — текст Олега Хархордина⁶⁹. Все равно это очень осторожный и качественный подход, потому что в рамках политической философии работать сложнее, нежели с историческим материалом. Так что, даже если иметь в виду некоторые политические импликации отечественных авторов, которые обращаются к Кембриджской школе сегодня, можно сказать, что, разумеется, их работа вносит неоценимый вклад в интеллектуальное развитие России. Вместе с тем почти пятьдесят лет деятельности Кембриджской школы нуждаются в более детальной, основательной и глубинной рецепции, прежде чем мы могли бы развивать их «кабинетную идеологию» и методологию на нашей почве.

Библиография

- A Companion to Contemporary Political Philosophy / R. E. Goodin, P. Pettit, T. Pogge (eds). 2nd ed. Oxford, UK: Blackwell, 2007. Vol. I.
- Contemporary Political Philosophy: An Anthology / R. E. Goodin, P. Pettit (eds). Oxford, UK: Blackwell, 1997.
- Dunn J. The Identity of the History of Ideas // Philosophy. 1968. Vol. 43. № 164. P. 85–104.
- Graham K. How Do Illocutionary Descriptions Explain? // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / J. Tully (ed.). Princeton, NJ: Princeton University Press, 1988. P. 147–155.
- Hamilton-Bleakley H. Linguistic Philosophy and The Foundations // Rethinking the Foundations of Modern Political Thought / A. Brett, J. Tully, H. Hamilton-Bleakley (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 20–33.
- Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / J. Tully (ed.). Princeton, NJ: Princeton University Press, 1988.
- Pocock J. G. A. Between Gog and Magog: The Republican Thesis and the Ideologia Americana // Journal of the History of Ideas. 1987. Vol. 48. № 2. P. 325–346.
- Pocock J. G. A. Political Thought and History. Essays on Theory and Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton: Princeton University Press, 1975.

69. См.: Рощина Е. Введение // Современная республиканская теория свободы. С. 7–24; Хархордин О. Почему Res Publica — не государство: грамматика стоиков и дискурсивные практики Цицерона в его теории республики // Современная республиканская теория свободы. С. 137–179; Маслов Б. Свобода вне либерализма: пиндарическая ода и трансформация поэтики старого режима // Современная республиканская теория свободы. С. 212–250.

- Pocock J. G. A. The Reconstruction of Discourse: Towards the Historiography of Political Thought // MLN. 1981. Vol. 96. № 5. P. 959–980.
- Skinner Q. Language and Political Change // Political Innovation and Conceptual Change / T. Ball, J. Farr, R. L. Hanson (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 6–24.
- Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory. 1969. Vol. 8. № 1. P. 3–53.
- Skinner Q. Some Problems in the Analysis of Political Thought and Action // Political Theory. 1974. Vol. 2. № 3. P. 277–303.
- Tully J. An Approach to Political Philosophy: Locke in Contexts. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна. М.: Вече, 1999. С. 69–112.
- Атнашев Т. Реформаторы в поисках языка: книга Егора Гайдара «Государство и эволюция» // Новое литературное обозрение. 2015. № 135. С. 119–139.
- Атнашев Т., Велижев М. “Context is king”: Джон Покок — историк политических языков // Новое литературное обозрение. 2015. № 134. С. 21–44.
- Бейлин Б. Идеологические истоки Американской революции. М.: Новое издательство, 2010.
- Берлин И. Жозеф де Местр и истоки фашизма // Он же. Философия свободы. Европа. М.: НЛО, 2002. С. 206–298.
- Болл Т. Куда идет политическая теория? // Политическая теория в XX веке / Под ред. А. Павлова. М.: Территория будущего, 2008. С. 387–411.
- Борисова Т. «Необходимая оборона общества»: язык суда над Засулич // Новое литературное обозрение. 2015. № 135. С. 101–118.
- Велижев М. Язык и контекст в русской интеллектуальной истории: первое «философическое письмо» Чаадаева // Новое литературное обозрение. 2015. № 135. С. 71–87.
- Вироли М. Свобода слуг. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.
- Ганнел Дж. Политическая теория: эволюция дисциплины // Политическая теория в XX веке / Под ред. А. Павлова. М.: Территория будущего, 2008. С. 41–66.
- Данн Д. Не очаровываться демократией. М.: Издательство Института Гайдара, 2016.
- Данн Д. Политическая философия — будущее человечества // Русский журнал. 17.05.2009. URL: <http://russ.ru/pole/Politicheskaya-filosofiya-budushee-chelovechestva>.
- Данн Д. Революция // Концепт «революция» в современном политическом дискурсе / Под ред. И. Савкина. М.; СПб.: Алетейя, 2008.
- Интервью с Олегом Хархординым // Новое литературное обозрение. 2015. № 134. С. 119–132.
- Коббан А. Закат политической теории // Политическая теория в XX веке / Под ред. А. Павлова. М.: Территория будущего, 2008. С. 219–236.
- Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980.
- Маслов Б. Свобода вне либерализма: пиндарическая ода и трансформация поэтики старого режима // Современная республиканская теория свободы / Под ред. Е. Рощина. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 212–250.

- Мишура А. М., Павлов А. В. «Патриархия»: политическая философия Роберта Филмера // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2014. № 1. С. 92–105.
- Нисбет Р. Прогресс: история идеи. М.: ИРИСЭН, 2009.
- Оукшот М. Рационализм в политике // Он же. Рационализм в политике и другие статьи. М.: Идея-пресс, 2002. С. 7–37.
- Оукшот М. Что такое политическая теория? // Политическая теория в XX веке / Под ред. А. Павлова. М.: Территория будущего, 2008. С. 94–106.
- Петтит Ф. Республиканизм. Теория свободы и государственного правления. М.: Издательство Института Гайдара, 2016.
- Покок Дж. Г. А. The State of the Art // Новое литературное обозрение. 2015. № 134. С. 45–74.
- Покок Дж. Г. А. Квентин Скиннер: история политики и политика истории // Новое литературное обозрение. 2015. № 134. С. 75–92.
- Пономарева М., Туманов Н. Квентин Скиннер и основания «кабинетной идеологии»: к выходу русского перевода «Истоков современной политической мысли» // Colta.ru. 15.01.2018. URL: <http://colta.ru/articles/literature/17045>.
- Поселягин Н. От редактора // Новое литературное обозрение. 2015. № 134. С. 19–20.
- Правилова Е. «Частная собственность» в языках российского общества конца XVIII — начала XIX веков // Новое литературное обозрение. 2015. № 135. С. 88–100.
- Робин К. Страх: история политической идеи. М.: Территория будущего, 2009.
- Скиннер К. The State // Понятие государства в четырех языках. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, Летний сад, 2002. С. 12–74.
- Скиннер К. Амброджо Лоренцетти о силе и славе республик // Новое литературное обозрение. 2017. № 146. С. 39–60.
- Скиннер К. Идея негативной свободы: философские и исторические перспективы // Логос. 2013. Т. 23. № 2. С. 155–186.
- Скиннер К. Идея негативной свободы: философские и исторические перспективы // Журнал политической теории. 2010. № 1. С. 170–182.
- Скиннер К. Истоки современной политической мысли: В 2 тт. М.: Дело, 2018.
- Скиннер К. Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы // Неприкосновенный запас. 2004. № 66. С. 55–66.
- Скиннер К. О свободе республик // Современная республиканская теория свободы / Под ред. Е. Рощина. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 25–42.
- Скиннер К. Свобода до либерализма. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006.
- Скиннер К. Язык и политические изменения // Логос. 2005. Т. 15. № 3. С. 143–152.
- Харц Л. Либеральная традиция в Америке. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1993.
- Хархордин О. Почему Res Publica — не государство: грамматика стоиков и дискурсивные практики Цицерона в его теории республики // Современная республиканская теория свободы / Под ред. Е. Рощина. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 137–179.

- Эдмондс Д., Айдиноу Д. Кочерга Витгенштейна. История десятиминутного спора между двумя великими философами. М.: НЛО, 2004.
- Эшкрафт Р. Политическая теория и проблема идеологии // Политическая теория в XX веке / Под ред. А. Павлова. М.: Территория будущего, 2008. С. 364–387.

PEREGRINATIONS OF A METHOD: THE CAMBRIDGE SCHOOL (OF POLITICAL THOUGHT) IN VARYING CONTEXTS

ALEXANDER PAVLOV. Associate Professor, School of Philosophy, Faculty of Humanities; Chair, Social Philosophy Sector, apavlov@hse.ru.
National Research University Higher School of Economics (HSE), 21/4 Staraya Basmannaya str., 105066 Moscow, Russia.
Institute of Philosophy, Russian Academy of Science, 12/1 Goncharnaya str., 109240 Moscow, Russia.

Keywords: political theory; social philosophy; republicanism; intellectual history; Cambridge School; contextualism; Quentin Skinner; John Pocock; John Dunn.

The Cambridge School of political thought embraces several historians (John Pocock, Quentin Skinner, John Dunn) who began working at Cambridge in the 1960s and offered a unique approach to the study of social-political ideas. These authors insisted that political thinking is historical in its nature, and for that reason it should be studied in historical and ideological contexts. They also insisted that political ideas should not be considered as concepts that are separated from life or as a “tradition” which has persisted from Plato to the present.

In recent years there have been attempts to adapt the method of the Cambridge School to a Russian context. The author insists that there are specific reasons why this is nearly impossible to achieve. This becomes obvious when the activity of the Cambridge School is situated in different contexts — in the context of the social and philosophical thinking in Britain of the 1960s, in the context of American political theory from the last quarter of the 20th century, and in the context of republican social philosophy of the early 20th century. One then finds first that the methodology of the Cambridge School went through considerable transformations as early as the mid-1970s; and second that the interests of scholars shifted either to political theory or to history for which their approach is not applicable for certain reasons. The author concludes that a continuation of the project of the Cambridge School is possible at best only in the field of contemporary social and political philosophy and not in the study of European political thought of the 15th through 17th centuries or American political thought of the 18th century.

DOI: 10.22394/0869-5377-2018-4-261-298

References

- A Companion to Contemporary Political Philosophy* (eds R. E. Goodin, P. Pettit, T. Pogge), 2nd ed., Oxford, UK, Blackwell, 2007, vol. I.
- Almond G. *Politicheskaya nauka: istoriya dissipliny* [Political Science: The History of the Discipline]. *Politicheskaya nauka: novye napravleniya* [A New Handbook of Political Science] (eds R. Goodin, H.-D. Klingemann), Moscow, Veche, 1999, pp. 69–112.
- Ashcraft R. *Politicheskaya teoriya i problema ideologii* [Political Theory and the Problem of Ideology]. *Politicheskaya teoriya v XX veke* [Political Theory in Twentieth Century] (ed. A. Pavlov), Moscow, Territoriya budushchego, 2008, pp. 364–387.
- Atnashev T. *Reformatory v poiskakh iazyka: kniga Egora Gaidara “Gosudarstvo i evoliutsiya”* [Reformers in Search of a Language: Yegor Gaidar’s “State and Evolution”]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2015, no. 135, pp. 119–139.

- Atnashev T., Velizhev M. "Context is king": Dzhon Pokok — istorik politicheskikh iazykov ["Context is king": John Pocock, Historian of Political Languages]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2015, no. 134, pp. 21–44.
- Ball T. Kuda idet politicheskaiia teoriia? [Whither Political Theory?]. *Politicheskaiia teoriia v XX veke* [Political Theory in Twentieth Century] (ed. A. Pavlov), Moscow, Territoriiia budushchego, 2008, pp. 387–411.
- Baylin B. *Ideologicheskie istoki Amerikanskoi revoliutsii* [The Ideological Origins of the American Revolution], Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2010.
- Berlin I. Zhofez de Mestr i istoki fashizma [Joseph de Maistre and the Origins of Fascism]. *Filosofia svobody. Evropa* [Philosophy of Liberty. Europe], Moscow, New Literary Observer, 2002, pp. 206–298.
- Borisova T. "Neobkhodimaia oborona obshchestva": iazyk suda nad Zasulich ["The Necessary Defense of Society": The Language of the Zasulich Trial]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2015, no. 135, pp. 101–118.
- Cobban A. Zakat politicheskoi teorii [The Decline of Political Theory]. *Politicheskaiia teoriia v XX veke* [Political Theory in Twentieth Century] (ed. A. Pavlov), Moscow, Territoriiia budushchego, 2008, pp. 219–236.
- Collingwood R. *Idea istorii. Avtobiografiia* [Idea of History. Autobiography], Moscow, Nauka, 1980.
- Contemporary Political Philosophy: An Anthology* (eds R. E. Goodin, P. Pettit), Oxford, UK: Blackwell, 1997.
- Dunn J. *Ne ocharovyvat'sia demokratiei* [Breaking Democracy's Spell], Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2016.
- Dunn J. Politicheskaiia filosofiiia — budushchee chelovechestva [Political Philosophy — Future of Mankind]. *Russkii zhurnal* [Russian Journal], May 17, 2009. Available at: <http://russ.ru/pole/Politicheskaya-filosofiia-budushchee-chelovechestva>.
- Dunn J. Revoliutsiia [Revolution]. *Kontsept "revoliutsiia" v sovremennom politicheskome diskurse* [The Concept "Revolution" in Contemporary Political Discourse] (ed. I. Savkin), Moscow, Saint Petersburg, Aleteia, 2008.
- Dunn J. The Identity of the History of Ideas. *Philosophy*, 1968, vol. 43, no. 164, pp. 85–104.
- Edmonds D., Eidinow J. *Kocherga Vitgenshteina. Istoriia desiatiminutnogo spora mezhdu dvumia velikimi filosofami* [Wittgenstein's Poker. The Story of a Ten-Minute Argument Between Two Great Philosophers], Moscow, New Literary Observer, 2004.
- Graham K. How Do Illocutionary Descriptions Explain? *Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics* (ed. J. Tully), Princeton, NJ, Princeton University Press, 1988, pp. 147–155.
- Gunnell J. Politicheskaiia teoriia: evoliutsiia distsipliny [Political Theory: Evolution of Discipline]. *Politicheskaiia teoriia v XX veke* [Political Theory in Twentieth Century] (ed. A. Pavlov), Moscow, Territoriiia budushchego, 2008, pp. 41–66.
- Hamilton-Bleakley H. Linguistic Philosophy and The Foundations. *Rethinking the Foundations of Modern Political Thought* (eds A. Brett, J. Tully, H. Hamilton-Bleakley), Cambridge, Cambridge University Press, 2006, pp. 20–33.
- Hartz L. *Liberalnaia traditsiia v Amerike* [The Liberal Tradition in America], Moscow, Progress, Progress-Akademiia, 1993.
- Interv'iu s Olegom Kharkhordinym [Interview with Oleg Kharkhordin]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2015, no. 134, pp. 119–132.

- Kharkhordin O. Pochemu Res Publica — ne gosudarstvo: grammatika stoikov i diskursivnye praktiki Tsitserona v ego teorii respubliki [Why Res Publica is not a State: The Stoic Grammar and Discursive Practices in Cicero's Conception]. *Sovremennaia respublikanskaia teoriia svobody* [Contemporary Republican Theory of Freedom] (ed. E. Roshchin), Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2015, pp. 137–179.
- Maslov B. Svoboda vne liberalizma: pindaricheskaia oda i transformatsiia poetiki starogo rezhima [Liberty beyond Liberalism: Pindaric Ode and the Transformation of the Poetics of Ancien Regime]. *Sovremennaia respublikanskaia teoriia svobody* [Contemporary Republican Theory of Freedom] (ed. E. Roshchin), Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2015, pp. 212–250.
- Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics* (ed. J. Tully), Princeton, NJ, Princeton University Press, 1988.
- Mishura A. M., Pavlov A. V. “Patriarkhiia”: politicheskaiia filosofii Roberta Filmera [“Patriarchy”: Robert Filmer's Political Philosophy]. *Politiia: Analiz. Khronika. Prognoz* [Politia: Analysis. Chronicle. Forecast], 2014, no. 1, pp. 92–105.
- Nisbet R. *Progress: istoriia idei* [History of the Idea of Progress], Moscow, IRISEN, 2009.
- Oakeshott M. Chto takoe politicheskaiia teoriia? [What is Political Theory?]. *Politicheskaiia teoriia v XX veke* [Political Theory in Twentieth Century] (ed. A. Pavlov), Moscow, Territoriiia budushchego, 2008, pp. 94–106.
- Oakeshott M. Ratsionalizm v politike [Rationalism in Politics]. *Ratsionalizm v politike i drugie stat'i* [Rationalism in Politics and Other Essays], Moscow, Ideia-press, 2002, pp. 7–37.
- Pettit P. *Respublikanizm. Teoriia svobody i gosudarstvennogo pravleniia* [Republicanism: A Theory of Freedom and Government], Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2016.
- Pocock J. G. A. Between Gog and Magog: The Republican Thesis and the Ideologia Americana. *Journal of the History of Ideas*, 1987, vol. 48, no. 2, pp. 325–346.
- Pocock J. G. A. Kventin Skinner: istoriia politiki i politika istorii [Quentin Skinner: The History of Politics and the Politics of History]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2015, no. 134, pp. 75–92.
- Pocock J. G. A. *Political Thought and History. Essays on Theory and Method*, Cambridge, Cambridge University Press, 2009.
- Pocock J. G. A. *The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*, Princeton, Princeton University Press, 1975.
- Pocock J. G. A. The Reconstruction of Discourse: Towards the Historiography of Political Thought. *MLN*, 1981, vol. 96, no. 5, pp. 959–980.
- Pocock J. G. A. The State of the Art. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2015, no. 134, pp. 45–74.
- Ponomareva M., Tumanov N. Kventin Skinner i osnovaniia “kabinetnoi ideologii”: k vykhodu russkogo perevoda “Istokov sovremennoi politicheskoi mysli” [Quentin Skinner and Grounds of “Armchair Ideology”: To the Russian Translation of “The Foundations of Modern Political Thought”]. *Colta.ru*, January 15, 2018. Available at: <http://colta.ru/articles/literature/17045>.
- Poseliagin N. Ot redaktora [Editor's Foreword]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2015, no. 134, pp. 19–20.
- Pravilova E. “Chastnaia sobstvennost” v iazykakh rossiiskogo obshchestva kontsa XVIII — nachala XIX vekov [“Private Property” in the Languages of Late

- Eighteenth-Century and Early Nineteenth-Century Russian Society]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2015, no. 135, pp. 88–100.
- Robin C. Strakh: *istoriia politicheskoi idei* [Fear: The History of a Political Idea], Moscow, Territoria budushchego, 2009.
- Skinner Q. Ambrodzho Lorentsetti o sile i slave respublik [Ambrogio Lorenzetti on the Power and Glory of Republics]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2017, no. 146, pp. 39–60.
- Skinner Q. Iazyk i politicheskie izmeneniia [Language and Political Change]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2005, vol. 15, no. 3, pp. 143–152.
- Skinner Q. Ideia negativnoi svobody: filosofskie i istoricheskie perspektivy [The Idea of Negative Liberty: Philosophical and Historical Perspectives]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2013, vol. 23, no. 2, pp. 155–186.
- Skinner Q. Ideia negativnoi svobody: filosofskie i istoricheskie perspektivy [The Idea of Negative Liberty: Philosophical and Historical Perspectives]. *Zhurnal politicheskoi teorii* [Journal of Political Theory], 2010, no. 1, pp. 170–182.
- Skinner Q. *Istoki sovremennoi politicheskoi mysli: V 2 tt.* [The Foundations of Modern Political Thought: In 2 vols], Moscow, Delo, 2018.
- Skinner Q. Kollingvudovskii podkhod k istorii politicheskoi mysli: stanovlenie, vyzov, perspektivy [The Rise of, Challenge to and Prospects for a Collingwoodian Approach to the History of Political Thought]. *Neprikosnovennyi zapas* [Reserve Stock]. 2004, no. 66, pp. 55–66.
- Skinner Q. Language and Political Change. *Political Innovation and Conceptual Change* (eds T. Ball, J. Farr, R. L. Hanson), Cambridge, Cambridge University Press, 1989, pp. 6–24.
- Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas. *History and Theory*, 1969, vol. 8, no. 1, pp. 3–53.
- Skinner Q. O svobode respublik [On the Liberty of Republics]. *Sovremennaiia respublikanskaia teoriia svobody* [Contemporary Republican Theory of Freedom] (ed. E. Roshchin), Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2015, pp. 25–42.
- Skinner Q. Some Problems in the Analysis of Political Thought and Action. *Political Theory*, 1974, vol. 2, no. 3, pp. 277–303.
- Skinner Q. *Svoboda do liberalizma* [Liberty before Liberalism], Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2006.
- Skinner Q. The State. *Poniatie gosudarstva v chetyrekh iazykakh* [The Concept of State in Four Languages], Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, Letnii sad, 2002, pp. 12–74.
- Tully J. *An Approach to Political Philosophy: Locke in Contexts*, Cambridge, Cambridge University Press, 2006.
- Velizhev M. Iazyk i kontekst v russkoi intellektual'noi istorii: pervoe “filosoficheskoe pis'mo” Chaadaeva [Language and Context in Russian Intellectual History: Chaadaev's First “Philosophical Letter”]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2015, no. 135, pp. 71–87.
- Viroli M. *Svoboda slug* [La a liberta dei servi], Moscow, HSE, 2014.